

Крестьянка

2007 - 1-й номер - С.10

Нищее величие и задерганная честь

Так хочется верить, что в недалеком будущем в Москве появится еще один долгожданный памятник еще одному поэту. Вероятно, есть в этом даже некая закономерность, залогом которой – особый характер города: “Москва! Какой огромный странно-примный дом!”, как писала Марина Цветаева. Ведь памятника Мандельштаму нет и в родном ему Петербурге, который так до сих пор и не преодолел печальную участь “великого города с областной судьбой”. Не желая мириться с таким положением вещей, но и не надеясь дожидаться, пока вопрос решится “сверху”, Мандельштамовское общество (надо отдать должное этой группе энтузиастов!) и инициативная группа по увековечению памяти Осипа Мандельштама (ее возглавил поэт Олег Чухонцев) задумали памятник все-таки создать. Причем “на благотворительные народные деньги”, что отсылает к истории возведения в Москве самого любимого горожанами монумента – Пушкину на Тверском бульваре. Заодно напомним, что на пожертвования “по копеечке” (разумеется, не без крупных сумм от людей имущих) сооружался когда-то и другой знаковый памятник – посвященный победе в войне 1812 года храм Христа Спасителя...

Но прежде чем памятник возвести, надо решить, каким он будет. Ради этого и проведен конкурс проектов, дабы авторитетное жюри выбрало из возможных вариантов лучший. В жюри, как и положено, вошли скульпторы (председатель правления Московского союза художников Иван Казанский и Лев Матюшин), архитекторы (профессор МАрХИ Евгений Асс и вице-президент Союза московских архитекторов Андрей Таранов), искусствоведы (Игорь Светлов и Ольга Костина), главный художник Москвы Игорь Воскресенский. Конкурс и выставка проектов в Доме скульптора оказались ядром Мандельштамовских дней в Москве, прошедших в январе (их приурочили к дню рождения поэта, пусть и без круглой даты). Надо

признать, что жюри выпала задача непростая, ведь такого не было давно – чтобы из шести работ, представленных на конкурс, минимум три были превосходными! Да и авторы, принявшие участие в соревновании, просто как на подбор – почти все первые номера в московской глянцевке. Первые не по титулам, а по реальному вкладу в искусство: Лазарь Гадаев, Леонид Баранов, Андрей Касулин... Победа досталась дуэту Дмитрий Шаховской – Елена Мунц, с которыми сотрудничал архитектор Александр Бродский – еще недавно “бумажник”, а ныне лицо России на Венецианской архбиенале.

И Шаховской, и Мунц – мастера не просто известные, давно и прочно “прописанные” в коллекции Третьяковской галереи, но и люди из того самого тончайшего слоя истинной интеллигенции, где никогда не переставали жить мандельштамовские стихи, а равно близкие поэту идеи, как и сам дух гонимой, но неуничтожимой русской культуры Серебряного века. О Дмитрие Михайловиче Шаховском (кстати, с юности связанном с великим Фаворским – он и живет в том же доме в Новогиреево) можно рассказывать долго: и о том, как спасал работы опальных коллег вроде Нины Жилинской, которыми теперь гордится Третьяковка, и о том, как работал в 1990-е в возрождающихся церквях, и о том, как строил в Бутове храм Святых Новомучеников и Исповедников Российских на месте расстрела отца, священника Михаила Шика, и еще тысяч жертв сталинских 30-х... Из его работ “светского” характера для Москвы мы, зачастую не зная имени автора, отлично помним маски на фасаде Театра сатиры, часы Театра кукол и мемориальную доску Анне Ахматовой на Большой Ордынке; а были еще Тульский драмтеатр, Музей искусств Каракалпакии, филармония в Рязани, театры в Ташкенте и Кызыле. Зато заведомо обречена попытка взять у скульптора интервью, в котором бы звучали некие патетические

слова по поводу замысла памятника Мандельштаму: лауреат Госпремии Шаховской предпочитает не произносить высоких слов, справедливо полагая, что все скажут его работы. Правда, для их восприятия тоже необходима некая культура, ведь не всем нравится такой аскетизм: главный пафос творчества мастера – в отсутствии всяческого пафоса. Профессионализм, традиция – и *procul este, profani!*

Лишь немного, в силу внутренней взаимосвязи, проект памятника сродни мемориальной доске, установленной в 1991 году, к столетию поэта, на флигеле Дома Герцена (он же – Литинститут) на Тверском бульваре, где Осип и Надежда Мандельштам жили с 1922-го по 1933 год. Барельеф из черного гранита с надписью “корявыми” буквами, очертаниями напоминающий и тень на стене дома, и крест, и распятие, тоже высок Шаховской. Соединение черного и белого, света и тьмы возникло и в новом проекте – помимо постамента из четырех чуть неровно поставленных один на другой кубов, увенчанного головой по принципу античной гермы, предложено и двуцветное мощение небольшого подиума, который сейчас выложен сероховатыми, неровными кусками дерева. Решение в материале, как считает скульптор, может измениться в процессе воплощения – окончательный вариант памятника должен быть из бронзы и камня. Тонко пролепленная, но без излишней детализации голова позволяет и вспомнить портреты Мандельштама (сходство уловлено точно, не спутаешь!), и ощутить образ Поэта, не то погруженного в звучащую внутри него музыку, не то негромко декламирующего свои строчки – опасные и прекрасные. Можно вспомнить и строки Арсения Тарковского из стихотворения “Поэт”: “Говорили, что в обличье / У поэта нечто птичье / И египетское есть; / Было нищее величие / И задерганная честь”. В портрете работы Елены Мунц получился не мучник, не побежденный – великий поэт, победивший судьбу и

Е.Мунц. “Портрет Осипа Мандельштама”. 2007 г.

время. А в целом – не монумент, а скорее мемориал, вполне уместный в городе, откуда Мандельштам ушел на гибель, в общую могилу...

Но этакий гордец и бунтарь просто обречен на проблемы с властью! Дай бог, чтобы не возникло проблем у тех, кто задумал установку памятника. Кстати, он должен быть воздвигнут в месте вполне мемориальном – на углу Старосадского переулка и улицы Забелина, в маленьком садике на невысоком холме. Там, “у брата Шуры”, в бывшем доходном доме напротив Ивановского монастыря, нередко бывал Мандельштам, под впечатлением от игры на рояле его соседа написаны

прекрасные, пронизанные трагизмом стихи “Жил Александр Герцович...”. Как сказал мне Дмитрий Шаховской, в памятнике он стремился “отразить и поэзию, и судьбу, и личность. А главное, обозначить место, наполнить его мандельштамовским присутствием – не рассказом, не жалостью”. Для скульптора очень важно, чтобы не было испорчено бестактным вторжением это место, насыщенное и эмоциональной, и исторической памятью.

Елена ТИТАРЕНКО
Фото Татьяны ПЕЛИПЕЙКО
 (“Эхо Москвы”)

Мандельштамовская Весна 07.02.07